

Забытый
БОГОМ

— Хроники Раймонда Фенриса —

Андрей Попов
Забытый Богом

«Автор»

2026

Попов А.

Забывтый Богом / А. Попов — «Автор», 2026

В конце XVII века Раймонд Фенрис оказывается втянут в войну, которая гораздо старше человеческих королевств. Вампиры, оборотни, древние клятвы и забытые силы сходятся в смертельной схватке, где у каждого своя правда, а цена ошибки — не только жизнь. Раймонду предстоит пройти через предательство, любовь, месть и собственную тьму, чтобы понять, кем он стал и ради чего ещё способен сражаться. Но чем ближе развязка, тем яснее становится: некоторые боги не исчезают. Они лишь ждут, пока люди снова вспомнят их имя. «Забывтый Богом» — мрачное историческое фэнтези о бессмертии, вине, выборе и чудовищах, которые порой оказываются человечнее людей.

© Попов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Новое начало.	5
Глава 2. Алая пелена одиночества	11
Глава 3. Зеркальная встреча	15
Глава 4. Иллюзии и откровения	19
Глава 5. Последствия.	26
Глава 6. Прощальный поцелуй.	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Андрей Попов

Забывтый Богом

Глава 1. Новое начало.

1698 год. Пригород Чарльз Тауна.

Период колонизации Северной Америки.

Сознание вернулось к нему внезапно, как возвращается боль после удара: резко, без милости, вместе с гулом в ушах и тяжестью во всём теле. Несколько мгновений Раймонд не понимал, где находится. Мир перед глазами плыл, окрашенный в густой багровый цвет; пол, стены, деревянный стол и силуэт незнакомого мужчины напротив казались залитыми кровью. Он попытался вдохнуть глубже и тут же пожалел об этом.

Запах ударил сильнее любого воспоминания. Кровь. Её тяжёлый металлический аромат наполнял старый подвал, смешиваясь с сыростью, плесенью и чем-то животным, тёплым, живым. От этого запаха мутило, но где-то глубоко внутри, там, где ещё недавно была только паника, проснулось пугающее желание вдохнуть снова.

Постепенно багровая пелена стала редеть. Краски возвращались, но теперь они казались болезненно яркими, словно мир вывернули наизнанку и показали ему все скрытые прежде детали. Раймонд видел трещины в каменной кладке, зазубрины на краю стола, паутину в дальнем углу и крошечные движения паука, которого раньше никогда бы не заметил. Слышал он тоже слишком хорошо: капающую где-то за стеной воду, тихий скрип балок, шорох крыс и собственное сердце — тяжёлое, чужое, гулкое.

Память возвращалась не сразу, а обрывками. Вечер. Отец. Его мёртвое лицо. Дождь, хлещущий по щекам. Дорога, размокшая до вязкой чёрной грязи. Долгий бег, от которого горели лёгкие. А потом седовласая женщина. Её испачканное землёй лицо, раскрытый в ужасе рот и кровь, растекающаяся по мокрой земле. Слишком много крови.

Раймонда передёрнуло.

— Успокойся, — произнёс мужчина напротив.

На этот раз голос не утонул в гуле, а прозвучал отчётливо. Невысокий, крепко сложенный человек лет пятидесяти сидел на старом стуле и внимательно смотрел на него. В его лице было что-то грубое и простое: широкие скулы, короткая седина, тяжёлые руки работника. Но глаза выдавали другое — усталость, осторожность и сожаление, которое Раймонду почему-то стало страшно видеть.

— Где я? — спросил он, не сразу узнав собственный голос.

— У меня дома.

— Кто вы?

— Грэм.

Мужчина немного помедлил, будто простой вопрос вдруг стал труднее, чем должен был быть.

— А тебя как зовут?

— Раймонд, — ответил он и сам не понял, почему это имя прозвучало неуверенно, почти чуждо.

Грэм кивнул.

— Хорошо, Раймонд. Я всё объясню, но сначала тебе нужно успокоиться.

— Что произошло?

Мужчина отвёл взгляд к столу, на котором стоял глиняный кувшин. Казалось, он заранее знал, что никакие слова не смогут прозвучать достаточно мягко.

— Твоя прежняя жизнь закончилась.

Раймонд несколько секунд молчал. Фраза была слишком тяжёлой и слишком непонятной, чтобы сразу в неё поверить.

— Что это значит?

Грэм снова посмотрел ему в глаза.

— Ты стал вампиром.

Раймонд уставился на него. Он ждал, что мужчина усмехнётся, пояснит, что это дурная шутка или странный способ проверить его рассудок. Но Грэм не улыбался.

— Нет, — выдохнул Раймонд.

— Да.

— Вампиров не существует. Это сказки.

— Существуют.

— Нет.

— Существуют, — повторил Грэм тихо, но так твёрдо, что спорить стало страшнее, чем верить.

Раймонд хотел подняться, но тело слушалось плохо. Внутри всё дрожало, мысли путались, а воспоминание о седовласой женщине продолжало стоять перед глазами. Он видел её так ясно, будто она лежала не где-то в прошлом, а здесь, на полу подвала.

— Я убил её? — спросил он почти беззвучно.

Грэм не ответил сразу, и этого оказалось достаточно.

Раймонд закрыл глаза.

— Нет...

— Тобой двигал голод, — сказал Грэм. — Первый голод почти невозможно остановить. Особенно если рядом человек.

— Я не хотел.

— Знаю.

Это короткое “знаю” почему-то прозвучало хуже обвинения. Раймонд открыл глаза и посмотрел на свои руки. Они казались прежними, только бледнее. Пальцы дрожали.

Грэм поднялся, подошёл к столу и налил из кувшина в стакан густую алую жидкость. Раймонд почувствовал запах раньше, чем мужчина успел поставить стакан перед ним. Всё тело отозвалось на него болезненным спазмом.

— Выпей.

— Что это?

— Кровь животного.

Раймонд отшатнулся, но взгляд не мог оторвать от стакана. Отвращение боролось с желанием, и желание было сильнее. Оно поднималось изнутри, чужое и бесстыдное, заставляя горло сжиматься, а язык сам собой касаться пересохших губ.

— Отныне это будет твоей пищей, — сказал Грэм. — Только кровь животных. Запомни это сразу.

— А человеческая? — спросил Раймонд прежде, чем успел испугаться собственного вопроса.

Грэм резко взглянул на него.

— Она вкуснее, — продолжил Раймонд тише, и воспоминание о женщине снова обожгло разум: её дрожащие руки, попытка обнять его, спросить, не заблудился ли он, и его лицо у её шеи. — Она... была вкуснее.

— Это говорит не ты, а голод, — жёстко произнёс Грэм. — Человеческая кровь даст тебе силу, но заберёт всё остальное. Чем чаще ты будешь поддаваться, тем меньше в тебе останется человека.

Раймонд хотел сказать, что не верит, что всё это невозможно, что он проснётся и снова окажется мальчишкой, у которого был отец и обычная жизнь. Вместо этого он взял стакан.

Первый глоток был тёплым и металлическим. Второй уже не вызвал отвращения. На третьем он перестал думать. Кровь разливалась по телу мягким жаром, успокаивала гул в голове, отодвигала страх, заглушала память. Когда стакан опустел, Раймонд ещё несколько секунд держал его у губ, словно надеялся вытянуть последнюю каплю.

Только потом он понял, что Грэм всё это время смотрел на него.

— Вот поэтому тебе придётся учиться, — сказал мужчина.

Раймонд медленно поставил стакан на стол.

— И что теперь со мной будет?

Грэм достал из кармана небольшой кожаный мешочек, развязал шнурок и вынул простой каменный амулет. Камень был серым, грубо обработанным, без украшений, но при взгляде на него у Раймонда что-то болезненно кольнуло внутри.

— Я нашёл это рядом с той женщиной. Думаю, он твой.

Грэм подошёл и надел амулет ему на шею. Камень лёг на грудь холодной тяжестью.

— С этого дня твоя жизнь изменится, мальчик. Навсегда.

Он сказал это без торжественности, почти буднично, и именно поэтому Раймонд поверил.

Следующие недели слились для него в одно тёмное, вязкое время. Грэм учил его жить заново: сдерживать голод, слушать звуки, не бросаться на каждый запах крови, не двигаться быстрее, чем позволено человеку. Раймонд пил кровь животных, учился дышать, когда хотел рвать чужую плоть, и молчать, когда внутри кричал зверь. Грэм редко хвалил его, но ещё реже оставлял одного. Он рассказывал о вампирах, об их силе и слабостях, о древних родах, о Феррисах, имя которых произносил слишком осторожно для простого рассказчика. Каждый раз, когда Раймонд спрашивал, откуда он знает так много, Грэм отмахивался или отвечал, что всему своё время.

Это раздражало. Но Раймонд зависел от него слишком сильно, чтобы спорить по-настоящему.

Однажды Грэм решил, что пришло время вывести его в город.

Утро было сырым и холодным. Лошадь нетерпеливо переступала у повозки, гружённой мясом, а Раймонд стоял рядом и смотрел на дорогу так, будто она вела не к поселению, а на казнь.

— Не нервничай, — сказал Грэм, затягивая ремень на упряжи. — Ты справишься.

— А если нет?

— Тогда я буду рядом.

— Меня убьют?

Грэм на мгновение задержал на нём взгляд.

— Если будешь вести себя как человек, никто ничего не поймёт.

— А если я не смогу?

— Значит, научись на ошибке.

Раймонд не оценил спокойствия, с которым это было сказано.

— Хорошее утешение.

— Другого нет. Садись.

Дорога до города показалась бесконечной. Раймонд пытался смотреть на деревья, на грязь под колёсами, на спину лошади — куда угодно, лишь бы не думать о людях, которые будут там, впереди. Но стоило им въехать на рыночную площадь, как все старания рассыпались.

Сердца.

Он услышал их сразу.

Десятки сердец били вразнобой, складываясь в оглушительный, сладкий хор. Кровь текла под кожей людей, горячая, живая, такая близкая, что Раймонд почти видел её. Женщина у прилавка выбирала хлеб. Старик спорил с торговцем. Мальчишки носились между телегами. Все они были слишком громкими. Слишком тёплыми. Слишком живыми.

— Чего застыл? — бросил Грэм, уже раскладывая мясо. — Помоги.

Раймонд вздрогнул, сосредоточился и в следующее мгновение оказался у повозки, подхватив тяжёлую тушу так легко, будто та ничего не весила.

Грэм тут же схватил его за локоть.

— Медленно, — прошипел он. — Ходи медленно. Двигайся как человек, если не хочешь, чтобы нас обоих сожгли.

Раймонд опустил взгляд.

— Прости.

— Не мне потом на костре извинения слушать.

День тянулся мучительно, но проходил лучше, чем ожидалось. Раймонд привыкал к шуму, учился отделять один звук от другого, заставлял себя смотреть людям в глаза, а не на их шеи. Несколько раз Грэм незаметно дотрагивался до его плеча, когда напряжение становилось слишком сильным. Один местный пьяница долго торговался за кусок мяса, путал монеты и ругался так нелепо, что Раймонд не выдержал и улыбнулся. К полудню ему даже показалось, что всё может быть не так страшно.

Именно тогда опасность стала казаться меньше, чем была на самом деле.

Когда они уже собирались домой, к Раймонду подбежал мальчишка примерно его возраста, толкнул плечом и, рассмеявшись, бросился в переулок. Толчок был несильным. Обычная глупая выходка. Но в Раймонде вспыхнула ярость, мгновенная и горячая, такая резкая, что он не успел её остановить.

— Раймонд! — окликнул Грэм.

Он не послушал.

Мальчишка петлял между домами, оглядывался и смеялся, уверенный, что забава удалась. Раймонд бежал за ним, стараясь не использовать силу, но злость уже застилала глаза. В тупике обидчика ждали ещё несколько подростков. Они окружили его, кто-то выкрикнул насмешку, кто-то первым бросился вперёд.

Драка длилась недолго.

Раймонд сдерживался. Или думал, что сдерживается. Один из мальчишек отлетел в сторону, ударился о камни и вскрикнул. На его руке раскрылась длинная рана.

Запах крови ударил в лицо.

Мир сузился до одной точки.

Раймонд отступил, пытаясь вдохнуть, как учил Грэм. Вспомнить голос. Вспомнить правила. Вспомнить, что перед ним не добыча, а человек. Мальчишка смотрел на него испуганно, прижимая руку к груди. Остальные уже разбежались.

“Стой. Просто стой. Ты можешь.”

Но он не смог.

Голод поднялся быстрее мысли. Раймонд сорвался с места и через мгновение уже прижимал мальчишку к земле. Крик оборвался, когда клыки вошли в горло. Горячая кровь хлынула в рот, и вместе с ней исчезло всё: страх, вина, уроки, голос Грэма, даже собственное имя.

Кто-то схватил его сзади и оттащил.

— Что ты наделал?! — голос Грэма прорвался сквозь алую пелену. — Раймонд, очнись!

Но Раймонд видел только тело на земле и кровь, которая ещё вытекала из разорванной шеи. Он рванулся снова, уже не понимая, к кому и зачем.

Грэм не стал уговаривать второй раз.

Резкое движение. Боль. Хруст.

И темнота.

Когда Раймонд очнулся, он снова был в подвале. На этот раз привязанный к стулу. Руки и ноги не слушались, голова бессильно падала на грудь, во рту было сухо, будто он наглотался пепла. В слабом свете свечи он разглядел Грэма, стоявшего у стены.

— Что... со мной? — выдавил он.

— Я сломал тебе шею.

Раймонд попытался пошевелиться, но верёвки удержали его.

— Зачем?

— Потому что иначе ты бы убил ещё кого-нибудь.

Память вернулась не сразу. Сначала тупая боль, потом переулочек, мальчишка, кровь, собственные руки, вцепившиеся в чужое тело. Раймонд закрыл глаза.

— Он умер?

Грэм молчал.

Ответ был не нужен.

— Я не хотел.

— Хотеть мало, — сказал Грэм. Его голос был глухим, почти безжизненным. — Ты должен уметь остановиться.

— Я пытался.

— Значит, пытался плохо.

Раймонд поднял на него взгляд. В нём не было злости, только усталое, детское непонимание.

— Что ты будешь делать?

Грэм подошёл ближе. На лице его не было прежней мягкости.

— Учить тебя.

— Я думал, ты уже учишь.

— Теперь ты запомнишь лучше.

В первые сутки Раймонд кричал. Потом просил. Потом молчал. Грэм не давал ему крови, и голод превращался в пытку, перед которой меркли верёвки, боль в теле и страх. Время потеряло форму. Иногда Раймонду казалось, что он слышит сердце каждого человека в городе. Иногда — что он снова стоит над телом мальчишки и не может оторваться от его горла.

Грэм приходил, проверял верёвки, ставил воду и уходил. Он не повышал голоса, не угрожал и не бил его. От этого было хуже. Его безжалостность не походила на ярость; она была похожа на решение, принятое заранее и больше не подлежащее сомнению.

Так началась первая из многих пыток, которые Грэм называл уроками.

Он хотел вырастить не просто выжившего вампира. Он хотел доказать, что зверя можно удержать. Что чудовище способно помнить человеческое лицо. Что из Раймонда Фенриса ещё можно сделать того, кто не станет проклятием для всех вокруг.

Но верили в это не все.

В ту же ночь, когда город хоронил убитого мальчишку, в полутёмной комнате старого трактира собрались люди в чёрных плащах. Их было тринадцать. На груди у каждого висел амулет с клыками, отливавшими тусклым серебром в свете свечей. Грэм стоял перед ними один, с прямой спиной и лицом человека, который пришёл просить о том, чего не заслуживает.

— Ты всё ещё пытаешься достичь невозможного, — произнёс сидевший во главе стола мужчина. Голос его был низким и сухим. — Они не становятся хорошими, Грэм. Никогда.

— Дай мне ещё один шанс, Марк.

— Шанс? — мужчина усмехнулся. — Сегодня твой мальчик убил сына портовой шлюхи. Тебе повезло, что это не был чей-то сын из наших семей.

Грэм сжал кулаки, но промолчал.

— Я уважал твоего отца, — продолжил Марк. — Он собрал нас, научил охотиться на эту нечисть и не отворачиваться, когда приходилось пачкать руки. Мы уничтожили Фенрисов не для того, чтобы ты прятал одного из их отродий у себя в подвале.

— Он ребёнок.

— Он вампир.

— Он может научиться.

— Ты хочешь верить в это, потому что слишком долго жил среди зверей и забыл, чем они заканчивают.

Несколько человек за столом переглянулись. Никто не вмешался.

Грэм сделал шаг вперёд.

— Один шанс. Если я не справлюсь, если он снова сорвётся — делай что сочтёшь нужным.

Марк долго смотрел на него. В его взгляде не было ни жалости, ни сомнения.

— Если он убьёт ещё раз, мы придём в твой дом. И я лично вобью кол в его чёрное сердце. А если ты встанешь между нами, Грэм, я не стану вспоминать дружбу с твоим отцом.

Грэм опустил голову.

— Обещаю.

— Надеюсь, ты понимаешь, что это последнее обещание, которому я готов поверить.

Грэм ничего не ответил. Он лишь повернулся к окну, за которым висела полная луна, холодная и белая, как глаз мёртвого зверя.

До затмения оставалась неделя.

Глава 2. Алая пелена одиночества

1720 год от Рождества Христова

Годы тянулись медленно, как тёмная вода подо льдом. Раймонд вырос, научился держаться среди людей и почти привык к тому, что каждый их жест, каждый удар сердца, каждый случайный запах крови отзывался в нём голодом. Почти — потому что природа не исчезала, сколько бы Грэм ни пытался загнать её в клетку. Она лишь становилась тише, хитрее, терпеливее.

Грэм всё чаще водил его в город. Иногда — под предлогом торговли, иногда — просто чтобы проверить, выдержит ли он шум площади, толпу у церкви или запах свежей крови возле лавки мясника. Раймонд научился опускать взгляд, когда хотелось смотреть на чужие шеи. Научился улыбаться, когда внутри поднималась ярость. Научился говорить медленно, двигаться спокойно и не показывать силу там, где один лишний жест мог стоить им обоим жизни.

Но послушным он так и не стал.

Дом Грэма давал ему крышу, пищу и защиту, но вместе с тем казался клеткой. Стоило ночи опуститься на землю, как Раймонда начинало тянуть наружу — к пустым улицам, редким огням в окнах, далёкой музыке из домов, где люди танцевали, пили, смеялись и старели, даже не подозревая, насколько коротка их жизнь. Иногда он сбегал на бал, прячась в тени и наблюдая за чужим весельем. Иногда просто сидел в тишине, слушая город, который к рассвету становился почти мёртвым.

В один из таких вечеров он устроился на старой скамье в пустынном переулке неподалёку от трактира. Ночь была прохладной, влажной, с запахом реки и дыма. Где-то вдалеке хлопнула дверь, послышался мужской смех, затем всё снова стихло. Раймонд поднял голову к небу и подумал, что, наверное, так и выглядит вечность: не как величие и не как проклятие, а как бесконечное ожидание чего-то, что всё равно не приходит.

— Чего сидишь один?

Голос прозвучал рядом слишком мягко, почти нарочито. Раймонд повернул голову.

Перед ним стояла молодая женщина. Свет из окна трактира едва касался её лица, оставляя глаза в тени. Она была хороша собой, но не той красотой, что заставляет оборачиваться на улице; скорее в ней была привычка нравиться, выученная улыбка и осторожная уверенность человека, который давно понял, как на него смотрят мужчины.

Раймонд насторожился.

С женщинами он почти не общался. Не потому, что боялся их больше других людей, а потому, что не знал, как с ними говорить. Мужчины были понятнее: в них быстрее угадывались злость, страх, жадность, желание подраться или выпить. Женщины казались ему существами из другого мира — слишком живыми, слишком тёплыми, слишком опасными именно тем, что не несли прямой угрозы.

— Скучно, — ответил он после паузы. — Людей к ночи мало, а я обычно выхожу в темноте.

Она улыбнулась.

— Странная привычка.

— Возможно.

— Не страшно одному?

Раймонд едва заметно усмехнулся.

— А тебе?

Женщина рассмеялась, но смех вышел пустым, будто она достала его из запасов вместе с улыбкой.

— Чего мне бояться? Сказок стариков? Вампиров, что бродят после заката и пьют кровь непослушных девиц? Не верю я в эту ерунду.

Раймонд внимательно посмотрел на неё.

— А зря.

— Правда? — Она приподняла бровь. — Значит, ты веришь?

— Думаю, если люди долго рассказывают одну и ту же сказку, за ней иногда что-то стоит.

— Забавный ты.

Она села рядом, не спрашивая разрешения. От неё пахло дешёвыми духами, вином и усталостью, которую не перебивал ни один аромат. Под этой смесью билось сердце — ровно, быстро, живо. Раймонд заставил себя отвести взгляд.

— Меня Элизабет зовут.

— Раймонд.

— Красивое имя. Я тебя раньше здесь не видела.

— Я родился неподалёку. Потом уехал. Теперь вернулся.

Ложь далась легко, но внутри всё равно неприятно кольнуло. За годы с Грэмом Раймонд научился лгать людям, однако каждый раз чувствовал, будто проглатывает мелкий осколок стекла.

— Выходит, мы почти земляки, — сказала Элизабет. — Я тут всю жизнь прожила. Хотя иногда думаю, лучше бы не жила.

Она произнесла это как шутку, но на мгновение в её голосе проступило что-то настоящее. Раймонд услышал его и почему-то растерялся.

— Почему не уехала?

— А куда? — Она пожала плечами. — Уехать могут те, у кого есть деньги или кто-то ждёт в другом месте. У меня ни того, ни другого.

Повисла пауза.

Раймонд не знал, что ответить. Её присутствие в пустом переулке казалось подозрительным, но не угрожающим. Если бы на его месте был обычный молодой человек, он, наверное, решил бы, что она просто ищет компании или заработка. Но Раймонд слишком давно жил среди запретов, проверок и чужого страха. Любое приближение человека ощущалось ловушкой, даже если ловушка сама не понимала, чем является.

— Так почему ты не веришь в вампиров? — спросил он, возвращаясь к прежней теме.

Элизабет снова улыбнулась, на этот раз шире.

— Потому что не хочу. Иначе пришлось бы бояться темноты, а я и так достаточно всего боюсь.

Она коснулась его руки. Прикосновение было лёгким, почти случайным, но Раймонд напрягся всем телом. Её пальцы были холодными после улицы, кожа — мягкой, живой. Сердце забилось быстрее, и он уже не понимал, её это сердце или его собственное.

— Пойдём, — сказала она тише. — Здесь слишком открыто.

— Куда?

— Туда, где нас никто не увидит.

Она поднялась и потянула его за собой в более тёмный проход между домами. Раймонд позволил ей вести себя, хотя каждая часть его существа требовала остановиться. В глубине переулки запахи стали сильнее: сырость, гниущее дерево, мыши, вино на её дыхании и кровь под её кожей.

Элизабет повернулась к нему лицом и принялась расстёгивать верхние пуговицы блузки.

— Ты ведь не из тех, кто только разговаривать умеет, правда?

Раймонд смотрел на неё и пытался понять, что должен чувствовать. Смущение? Желание? Отвращение? Жалость? Всё это было где-то рядом, но поверх него поднималось дру-

гое — тёмное, горячее, неумолимое. Голод, который терпеливо ждал, пока он останется с ней наедине.

Элизабет заметила перемену первой.

Её улыбка дрогнула.

— Что с тобой?

Раймонд хотел ответить, но вместо слов из горла вырвался тихий, почти звериный выдох. Лицо стянуло болью. Клыки выступили сами, разрывая привычную форму человеческой улыбки. Мир окрасился красным, но теперь это была не пелена страха, а обещание насыщения.

Элизабет отступила на шаг.

— Господи...

Она хотела закричать, но Раймонд поймал её взгляд.

— Тш-ш-ш, — прошептал он и приложил палец к губам.

Чары подействовали мгновенно. Страх остался в её глазах, но тело перестало сопротивляться. Она замерла, покорно склонив голову, как будто в последнюю секунду сама решила подставить ему шею.

Этого оказалось достаточно.

Раймонд шагнул к ней и впился клыками в плоть. Кровь хлынула в рот горячей, густой волной, и вместе с ней исчезло всё, что ещё удерживало его на краю. Напряжение, одиночество, долгие уроки Грэма, скука бесконечных ночей, ненависть к собственной клетке — всё растворилось в нескольких жадных глотках. Элизабет слабо вздрогнула, пальцы её на мгновение вцепились в его плечо, а затем разжались.

Он пил до тех пор, пока её сердце не сбилось с ритма. Потом — пока оно не стало едва слышным. И ещё немного после.

Когда Раймонд отстранился, тело Элизабет уже обмякло. Он подхватил её почти машинально, не дав сразу рухнуть на землю, и несколько секунд смотрел в лицо, с которого ушла вся нарочитость. Без улыбки, без выученного взгляда, без попытки понравиться она казалась гораздо моложе.

И только тогда к нему вернулась мысль.

Он отпустил её.

Тело упало на грязные камни с тихим, неприятно человеческим звуком.

Раймонд вытер губы краем её одежды. Руки не дрожали. Голод ушёл, оставив после себя тяжёлое спокойствие, от которого становилось почти страшно. В конце переулка проехал дилижанс; колёса стучали по неровной дороге, увозя чужие жизни в сторону соседнего города. Никто не остановился. Никто не увидел.

Раймонд вышел из темноты один.

Утром тело нашли поселенцы.

К полудню о случившемся говорил весь город. Кто-то шептал про убийцу, кто-то — про дикого зверя, кто-то крестился и вспоминал старые истории, над которыми ещё вчера смеялся. К вечеру люди начали запира́ть двери раньше обычного.

В ту же ночь в полутёмной комнате трактира собрались тринадцать человек в тёмных плащах. На груди у каждого висел амулет с клыками — знак братства, слишком старого, чтобы нуждаться в громких клятвах. Они сидели вокруг стола, и свечи бросали на их лица неровный свет.

Марк стоял во главе.

За годы его лицо стало суше, а взгляд — холоднее. Он не любил долгих разговоров, если решение уже принято.

— Хватит, — сказал он. — Мы предупреждали Грэма.

— Мы предупреждали его о мальчишке, — возразил один из охотников. — Но это было двадцать лет назад.

— И что изменилось? — Марк повернул к нему голову. — Он вырос? Научился лучше прятать клыки? Сегодня утром нашли девушку с разорванным горлом. Это достаточно похоже на доказательство?

— Мы не знаем, что это был Раймонд.

Марк усмехнулся.

— А кто ещё? Старые сказки ожили сами по себе?

Несколько человек молчали. Несколько смотрели в стол. Имя Грэма всё ещё имело вес, даже после всех лет, даже после его упрямства. Не все были готовы идти против человека, который когда-то стоял с ними плечом к плечу.

— Я не пойду против друга, — сказал один из старших охотников. — Не так. Не без разговора.

— Разговоры закончились, когда его питомец снова начал убивать.

— Ты называешь его питомцем, потому что тебе так проще.

Марк медленно положил ладонь на стол.

— Я называю вещи своими именами.

Тишина стала густой.

Франклин, сидевший по правую руку от Марка, всё это время молчал. Он был из тех людей, кто не тянется к оружию первым, но редко промахивается, когда всё же берёт его в руки. Среди тринадцати он слыл голосом трезвости — не милосердия, а именно трезвости, что в их деле было куда ценнее.

— Предлагаю голосовать, — произнёс Марк.

Он поднял руку.

За ним последовали ещё пятеро.

Шесть.

Недостаточно для решения всего братства, но достаточно для людей, которые давно перестали ждать разрешения.

Марк окинул взглядом остальных.

— Хорошо. Тогда сделаем это без вас.

Он первым вышел из комнаты. За ним поднялись пятеро. Дверь трактира хлопнула, снаружи послышались шаги, ржание лошадей, короткие команды. Через несколько минут копыта застучали по дороге, унося отряд в ночь.

В комнате остались те, кто не поднял руку.

Некоторое время никто не говорил.

— Надо остановить их, — наконец произнёс один из охотников.

Франклин медленно поднялся.

— Знаю.

Он поправил плащ, бросил взгляд на погасшую почти до основания свечу и вышел следом.

Этой ночью город снова должен был вспомнить, что чудовища бывают не только с клыками.

Глава 3. Зеркальная встреча

Полгода спустя

Шесть месяцев прошло с той ночи, когда Раймонд снова сорвался. Шесть долгих месяцев, за которые дом Грэма окончательно стал похож на клетку. Старик почти не выпускал его за порог, будто держал не ученика, а дикого зверя, способного в любой миг сорваться с цепи и вцепиться в первое живое горло. Впрочем, Раймонд понимал, что злиться на это бесполезно: Грэм был прав чаще, чем хотелось признавать. Каждая вылазка в город могла закончиться смертью — чужой или его собственной. И всё же он сбегал. Не каждый день, не каждую неделю, но достаточно часто, чтобы сам факт послушания оставался лишь красивой ложью.

В ту ночь снег лежал вокруг дома плотными белыми сугробами. Раймонд разгребал его почти машинально, стараясь занять руки и не думать о том, как сильно ему хочется уйти. Лопата казалась игрушкой. Там, где обычный человек провозился бы до утра, он справился за считанные минуты, оставив после себя ровную дорожку от крыльца до сарая. Закончив, он замер у окна и стал ждать, пока в комнате Грэма погаснет свет.

Старик долго не ложился. Его тень несколько раз проходила по стене, останавливалась у стола, затем снова исчезала. Раймонд стоял неподвижно, слушая скрип половиц, негромкое покашливание и редкое потрескивание дров в очаге. Когда огонь в окне наконец погас, он выждал ещё полчаса. Полчаса тишины, в которой собственное мёртвое сердце почему-то казалось тяжелее живого.

Потом он исчез.

Так быстро, что снег на подоконнике едва дрогнул.

Город встретил его холодом, дымом из труб и редкими огнями в окнах. Поселение разрасталось год от года, притягивая к себе людей, будто новая земля могла дать им то, чего не дала старая: богатство, свободу, забвение, новую жизнь. Раймонд часто думал об этом, бродя по ночным улицам. Люди приезжали сюда с надеждой, строили дома, открывали лавки, рожали детей, сплетничали у церкви и умирали так же охотно, как в любом другом месте. Они верили, что способны начать сначала. Он же знал, что от себя уехать невозможно.

Слухи о ночном чудовище становились всё громче. На рынках шептались об обескровленных телах, о бледном человеке с красными глазами, о демоне, которому нельзя смотреть в лицо. Иногда истории становились настолько нелепыми, что Раймонд едва сдерживал усмешку. Люди придумывали чудовищу рога, копыта, крылья, козлиную морду, голос мертвеца и запах серы. Никому не приходило в голову, что чудовище может выглядеть как молодой мужчина в тёмном плаще, проходящий мимо с опущенным взглядом.

Но в ту ночь его мучили не слухи и не страх быть пойманным. Одиночество грызло изнутри куда сильнее голода. За все прожитые годы он не встретил никого, похожего на себя. Никого, кто понимал бы, каково это — слушать чужие сердца, бояться собственной жажды и чувствовать, что мир людей всегда будет отделён от тебя тонким, но непреодолимым стеклом. Иногда ему казалось, что он действительно последний. Последний не только из Фенрисов, но и вообще последний в своём роде. Мысль об отъезде возвращалась всё чаще: уехать, сменить имя, исчезнуть там, где никто не знает его лица, где не будет ни Грэма, ни охотников, ни этих улиц, пропитанных памятью о крови.

«А почему бы и нет?» — подумал он, проходя мимо лавки с парфюмерией.

И в тот же миг остановился.

За стеклом, среди флаконов и тонких коробочек, стояла девушка. Темноволосая, с кожей бледнее зимнего снега и лёгким румянцем на щеках, настолько аккуратным, будто он был нанесён не кровью, а кистью художника. Она держала у лица маленький флакон и вдыхала аромат

духов, но в её движениях было что-то неправильное для человека: слишком плавное, слишком точное, лишённое случайности. Раймонд понял это раньше, чем успел подумать.

Она подняла глаза.

И мир вокруг словно исчез.

В её взгляде что-то вспыхнуло — не удивление, не страх, а узнавание. Словно она увидела не прохожего за окном, а ответ на вопрос, который задавала слишком долго. В следующее мгновение Раймонд почувствовал прикосновение чужого сознания. Лёгкое, осторожное, но настойчивое. Не слова. Не мысли в обычном смысле. Скорее попытку коснуться того, что он сам всегда считал запертой частью себя.

Он вздрогнул.

Она читала его.

Инстинкты, о которых Грэм рассказывал лишь намёками, проснулись мгновенно. Разум Раймонда рванулся навстречу, не спрашивая разрешения. Их ментальные щиты столкнулись — коротко, резко, почти болезненно. На лице девушки мелькнуло настоящее удивление, затем губ коснулась улыбка.

Она поняла.

И дала понять ему.

Раймонд не сразу заметил, что уже стоит у входа. Дверь лавки открылась, звякнул колокольчик, и девушка вышла на улицу, запахнув тёмный плащ. От неё пахло холодом, снегом, дорогими духами и чем-то ещё — слабым, почти неуловимым ароматом крови, скрытым под слоями чужих запахов.

Он взял её руку прежде, чем успел подумать, и поднёс к губам. Кожа была холодной, но не мёртвой. Скорее вечной.

— Редкость — встретить кого-то из своих в таком захолустье, — сказала она.

Голос её прозвучал спокойно, почти насмешливо, но за этой насмешкой Раймонд уловил то же напряжение, что жило сейчас в нём самом.

— Я не думал, что это возможно, — ответил он и услышал, как предательски дрогнул собственный голос.

— Значит, тебе повезло больше, чем ты ожидал.

Она посмотрела на него внимательнее. В её карих глазах не было ни человеческой мягкости, ни хищной пустоты. Там жила усталость того, кто видел слишком много, и любопытство того, кто всё ещё способен удивляться.

— Меня зовут Миранда.

Имя легло на слух так естественно, будто он уже знал его раньше, просто забыл.

— Раймонд, — сказал он после короткой паузы. — Раймонд Фенрис.

На этот раз удивление в её глазах стало заметнее.

— Фенрис, значит.

— Ты знаешь это имя?

— Слышала.

Она улыбнулась, но не стала объяснять. И почему-то именно это заставило Раймонда поверить ей сильнее, чем если бы она сразу начала рассказывать всё, что знает.

— Что-то подсказывает мне, Раймонд Фенрис, что тебя обратили совсем недавно.

— Двадцать два года назад.

Миранда тихо рассмеялась.

— Для нас это и значит недавно.

Он смутился, сам не понимая почему. Рядом с ней собственный возраст вдруг показался смешным. Все уроки Грэма, все запреты, все попытки казаться сильнее и старше рассыпались от одного её взгляда.

— Птенец, только выпавший из гнезда, — сказала она мягче. — И, судя по всему, не слишком хорошо понимающий, куда попал.

— Меня учили.

— Кто?

— Один человек.

— Человек? — В её голосе мелькнула тень насмешки. — Как трогательно.

— Он спас мне жизнь.

— Тогда у него редкое терпение.

Раймонд не нашёлся, что ответить. Миранда сделала шаг ближе, и расстояние между ними стало опасно малым. Он чувствовал её присутствие не только рядом, но и где-то глубже — на краю сознания, там, куда раньше не пускал никого.

— Я могла бы помочь тебе, — сказала она. — Показать то, чему человек не научит.

— Например?

— Например, как перестать бояться собственной природы.

Эти слова прозвучали слишком точно. Раймонд отвёл взгляд, но она уже поняла.

— Я как раз собирался... перекусить, — произнёс он, стараясь вернуть себе хотя бы видимость спокойствия.

Миранда посмотрела мимо него, на улицу, где за углом проехала карета и скрылась в снежной дымке.

— Позволь сегодня угостить тебя.

— Угостить?

— Жди меня вон там. За углом. Там достаточно темно.

Она улыбнулась — легко, почти весело, будто речь шла не о крови, а о бокале вина на балу. В следующее мгновение её уже не было рядом. Раймонд уловил лишь движение плаща, запах духов и пустоту, оставшуюся после её исчезновения.

Он пошёл в указанный переулок.

Ожидание оказалось мучительным. Он прислушивался к каждому шагу, к каждому шороху, к каждому голосу в отдалении. Впервые за долгое время его волновал не голод, а странное, почти детское нетерпение. Она вернётся или исчезнет так же внезапно, как появилась? Была ли эта встреча чудом или очередной ловушкой, которую он не сумел распознать?

Миранда вернулась через несколько минут.

Не одна.

Рядом с ней шла белокурая девушка в дорогом платье, слишком лёгком для такой ночи. Её лицо было красивым, но пустым, взгляд — рассеянным, покорным. Она двигалась как человек во сне, не сопротивляясь руке Миранды на своём запястье. Раймонд едва коснулся её сознания и тут же услышал имя, всплывшее на поверхности мыслей: Марта. Дочь кого-то важного, привычная к балам, комплиментам и тому, что мир раскрывает перед ней двери раньше, чем она успевает постучать.

— Знакомься, — сказала Миранда. — Марта. Из тех, кто с детства учится смотреть на всех остальных сверху вниз.

Марта повернула к нему лицо и улыбнулась пустой, зачарованной улыбкой.

— Очень приятно, — прошептал Раймонд.

На этот раз он не стал бороться с собой.

Клыки обнажились почти без боли. Он притянул девушку ближе, бережно, почти нежно, и склонился к её шее. Чары удерживали её в тишине; лишь короткий прерывистый вздох сорвался с губ, когда его зубы вошли в кожу.

Кровь оказалась сладкой.

Иной, чем у простых горожан. В ней чувствовались вино, пряности, беспечность, сытая жизнь под тёплыми крышами. Раймонд пил медленно, не из необходимости, а из жадного жела-

ния растянуть мгновение. При этом он всё время чувствовал взгляд Миранды. Она наблюдала за ним без отвращения, без страха, без той усталой строгости, с которой смотрел Грэм. В её глазах было одобрение. Понимание. Признание.

Когда Марта ослабла, Раймонд отстранился и, встретившись с Мирандой взглядом, молча передал ей обмякшее тело. Та приняла его с улыбкой, склонилась к другой стороне шеи и вонзила клыки с такой естественной грацией, будто совершала древний ритуал. Она пила жаднее, чем он, но не грубо; в каждом движении чувствовался опыт, отточенный годами, которые Раймонд даже не мог вообразить.

Сердце Марты вскоре сбилось, затихло и наконец остановилось.

Тишина, наступившая после этого, показалась почти священной.

Миранда отпустила тело, и оно сползло к стене, оставшись в тени между двумя домами. Раймонд должен был почувствовать вину. Наверное, часть его действительно ждала её. Но вместо вины пришло другое — странное облегчение, будто всё, что он прятал в себе годами, наконец увидели и не отвернулись.

Миранда подошла ближе. На её губах ещё блестела кровь.

— Вот так, — прошептала она. — Не стыдиться. Не отрицать. Не дрожать перед тем, чем ты являешься.

— Грэм говорит, что если не бояться зверя, он сожрёт всё человеческое.

— А если только бояться, — ответила она, — он всё равно сожрёт. Просто медленнее.

Эти слова ударили глубже, чем она могла знать.

Раймонд хотел возразить, но Миранда уже коснулась его лица. Её пальцы были холодными, губы — тёплыми от чужой крови. Поцелуй вышел резким, почти жестоким, но в нём не было пустой похоти. Это было узнавание. Двое существ, слишком долго говоривших с миром на чужом языке, вдруг услышали родную речь.

Он ответил сразу, с такой силой, будто боялся, что она исчезнет, стоит ему отпустить её хоть на мгновение. Миранда прижала его к кирпичной стене, засмеялась ему в губы — тихо, хрипло, счастливо. В этом смехе было слишком много одиночества, чтобы принять его за простую радость.

— Боже, как долго я ждала, — сказала она, прерывая поцелуй. — Кого-то, кто поймёт. Кого-то, кто принесёт краски в эту бесконечную ночь.

Раймонд смотрел на неё и понимал, что любые слова будут слабее того, что уже произошло. Ещё час назад он думал об отъезде, о пустоте, о вечности, которая не обещала ничего, кроме повторения одних и тех же ночей. Теперь перед ним стояла Миранда — тёмная, прекрасная, невозможная, и весь мир вдруг сузился до её дыхания, её голоса, её пальцев на его лице.

Он поцеловал её снова.

Снег падал на крыши и мостовую, укрывая следы крови у стены. Где-то вдаль проехала карета, кто-то засмеялся за закрытым окном, город продолжал жить, не зная, что в одном из его тёмных переулков для Раймонда Фенриса закончилась прежняя вечность и началась новая.

В ту ночь он впервые за долгие годы перестал чувствовать себя последним.

Глава 4. Иллюзии и откровения

Сознание возвращалось медленно, будто Раймонд выплывал из густой тёплой воды. Он открыл глаза не сразу; сперва ощутил мягкость постели, запах чужих духов на подушке и тихий покой комнаты, в котором не было ни голоса Грэма, ни скрипа старого дома, ни привычного шороха леса за стенами. Потом сквозь щель в шторах пробился первый солнечный луч, коснулся лица, и Раймонд резко зажмурился, ожидая боли. Боли не последовало.

Он отвернулся, уткнувшись в подушку. На ткани ещё держался запах Миранды — сладковатый, холодный, с едва уловимой горечью крови. В памяти всплывали обрывки прошедшей ночи: её смех, тёмные волосы на бледных плечах, чужая кровь на губах, долгий разговор в полумраке спальни. Чем больше он вспоминал, тем сильнее в нём крепло странное чувство, к которому он не привык. Не простое желание и не благодарность за избавление от одиночества. Скорее опасная привязанность, слишком быстрая, слишком живая для существа, которое давно должно было научиться ждать.

Миранда оказалась совсем не той, кем показалась в переулке. За насмешливой улыбкой, за лёгкостью, с какой она говорила о крови и смерти, скрывалось нечто куда более глубокое и уставшее. Раймонд видел это ночью — в паузах между её словами, в том, как она иногда замолкала, будто прислушиваясь к далёкому прошлому. Она пугала его и одновременно притягивала сильнее, чем всё, что он знал прежде.

И тут мысль ударила резко, как ножом под рёбра.

Он не дома.

Не в своей постели.

Не под присмотром Грэма.

Раймонд приподнялся на локте, и тревога мгновенно вытеснила остатки сонной истомы. Старик наверняка уже заметил его отсутствие. Он представил тяжёлый взгляд наставника, складки у рта, то молчаливое разочарование, которое всегда действовало хуже крика. Странно было признавать, но именно это удерживало Раймонда рядом с Грэмом сильнее любых запретов. Он мог бы уйти. Мог бы исчезнуть. Его силы хватило бы, чтобы разорвать старика пополам, если бы тот попытался остановить его. И всё же какая-то невидимая связь снова и снова возвращала его в старый дом, к суровым урокам, к крови в глиняном стакане, к человеку, который стал ему почти отцом.

Комната была пуста.

Раймонд медленно осмотрелся. Ни записки, ни следов спешки, ни голоса за дверью. Даже запах Миранды почти выветрился, оставшись лишь на подушке и смятом одеяле. В голове тут же возникли два объяснения, и оба были неприятны. Либо для неё прошедшая ночь значила куда меньше, чем для него, либо она ушла по делам, не посчитав нужным сказать куда. Он вдруг понял, что почти ничего о ней не знает. Только обрывки: любовь к риску, привычка смеяться тогда, когда другой промолчал бы, странная привязанность к чаю с лимоном, презрение к высшему обществу и умение носить его маску так убедительно, будто презрение это было лишь ещё одной драгоценностью на шее.

Лёгкие шаги в коридоре оборвали его мысли. Раймонд замер, сам не замечая, как задержал дыхание. Дверь открылась без стука, и вместе с холодным воздухом в комнату вошёл знакомый аромат духов. Миранда появилась на пороге в тёмном пальто, с растрёпанными волосами и счастливой, почти детской улыбкой, которая на миг сделала её моложе всех прожитых столетий. Лишь в уголках глаз оставалась тень усталости, не исчезающая даже теперь.

— Доброе утро, коварный вампирчик, — прошептала она, сбрасывая пальто на ближайший стул.

Раймонд не успел ответить: она уже забралась к нему на постель, прижалась рядом и покрыла его лицо быстрыми лёгкими поцелуями. В её ласке было что-то жадное, почти отчаянное, будто она боялась, что стоит остановиться — и он исчезнет, растворится, окажется сном. Эта простая нежность неожиданно тронула его сильнее, чем ночная страсть. Ей нужен был не просто любовник. Ей нужен был тот, кто не состарится, не умрёт через несколько десятков лет, не станет ещё одной потерей в длинной цепи потерь. Такой же, как она. Вечный.

— Доброе утро, Мира, — пробормотал он, запуская пальцы в её тёмные волосы.

Они лежали рядом, сплетённые в ленивом молчании. Её пальцы скользили по его груди, выводя невидимые узоры, а он всё ещё не мог поверить, что ещё вчера считал себя последним существом своего рода. Покой длился недолго. Солнечный луч вновь коснулся края постели, и Раймонд вдруг резко сел, будто только сейчас понял невозможность происходящего. Он не горел. Не кричал. Не рассыпался пеплом. Утро уже наступило, а он был жив.

— Почему я...

Миранда приложила палец к его губам.

— Не сгорел? — закончила она за него, и на её лице появилась та самая хитрая, знающая улыбка. — Потому что всю ночь я подливала тебе кое-что в стакан. А теперь ты хочешь спросить, почему я сама спокойно хожу при дневном свете.

Раймонд машинально коснулся амулета на груди.

— У тебя тоже есть защита? Кольцо или талисман?

Миранда посмотрела на него так, словно он сказал нечто одновременно смешное и тревожное.

— Защита? — переспросила она. — О чём ты, Райми?

— У меня есть амулет. Грэм сказал, что он оберегает меня от солнца.

Несколько секунд Миранда молчала. Потом тихо рассмеялась, но смех этот не был злым. В нём звучала скорее грусть человека, которому только что показали чужую наивность слишком крупно и слишком близко.

— Мальчик мой... кто внушил тебе эту чушь?

Раймонд нахмурился.

— Человек, который спас мне жизнь.

Он попытался подняться, но невидимая сила мягко, почти ласково прижала его обратно к постели. Тело послушно отказалось двигаться, и от этого по спине пробежал холод. Миранда не изменилась в лице; она всё так же лежала рядом, спокойная и красивая, только в глазах её появилось предупреждение.

— Полежи, — сказала она. — Я должна кое-что объяснить. Не бойся. Я не причиню тебе вреда.

— Тогда отпусти.

— Отпущу, когда пойму, что ты не бросишься к двери раньше, чем дослушаешь.

Страх поднимался быстро, но не был похож на страх перед врагом. Скорее перед правдой, которая уже стояла у порога. Раймонд заставил себя расслабиться.

— Хорошо. Я слушаю.

Невидимое давление исчезло. Миранда устроилась рядом, но теперь её голос стал серьёзнее.

— Вампиры не могут находиться на солнце. Это не сказка и не суеверие, а правило, которое пережило всех, кто пытался с ним спорить. Защитить нас могут лишь две вещи: особое стекло, обработанное так, чтобы задерживать солнечный свет, или кровь оборотня. Если ты встретил рассвет и остался жив, значит, тыпил кровь оборотня.

Раймонд смотрел на неё, не двигаясь.

— Нет.

— Да.

— Грэм давал мне кровь животных.

— Он говорил тебе, что это кровь животных, — поправила Миранда. — А это не одно и то же.

Рука Раймонда вновь сжала амулет. Камень, который долгие годы казался оберегом, вдруг стал просто куском серой бесполезной породы на старом шнурке. Все утренние стаканы, все наставления Грэма, все его уклончивые ответы — всё сложилось в картину настолько очевидную, что от неё стало тошно.

— Значит, он... держит оборотня? — голос прозвучал хрипло.

— Маловероятно. Ни один оборотень не позволит держать себя на прокорм, не разорвав пленителя на части. Скорее твой лесник сам оборотень.

В комнате стало слишком тихо.

Раймонд опустил взгляд. Грэм. Суровый, упрямый, ворчливый Грэм, который учил его не убивать людей, грозился привязать к стулу, если он снова сорвётся, приносил кровь по утрам и каждый раз отворачивался, когда Раймонд задавал лишние вопросы. Всё это время он был не просто человеком, знающим слишком много. Он был тем, кого вампиры должны были считать врагом.

— Кто они? — спросил Раймонд. — Оборотни.

Миранда некоторое время изучала его лицо, затем наклонилась и коснулась губами его губ — коротко, почти утешающе.

— Люди, способные принимать облик огромных волков. Не тех, что бродят по лесам. Крупнее, сильнее, свирепее. В полнолуние их природа берёт верх, и тогда лучше не оказываться рядом. Их укусы смертельны для нас, но их кровь даёт несколько дней защиты от солнца. Говорят, их род идёт от древнего племени Ликанос. Они гордятся своей честью, своей силой, своей верностью стае. И почти все они ненавидят нас.

— А мы их?

— Не меньше.

Раймонд горько усмехнулся.

— А Грэм меня вырастил.

— Потому я и сказала, что тебе повезло.

В голосе Миранды прозвучало нечто странное. Не просто удивление — зависть. Ей, прожившей почти четыре века, было трудно представить оборотня, который добровольно кормит вампира своей кровью, прячет его, учит и терпит его ошибки. Раймонд тоже теперь не знал, как это понимать.

— Каждое утро, — произнёс он. — Он давал мне пить и говорил, что так надо. Что амулет защищает меня. Что я должен привыкать к животной крови. Всё это было ложью.

— Не всякая ложь рождается из предательства, — сказала Миранда.

Он посмотрел на неё.

— Ты его защищаешь?

— Нет. Просто я слишком долго живу, чтобы верить в простые объяснения. Если он хотел бы тебе зла, ты бы не лежал сейчас здесь.

Раймонд не ответил. Эта мысль была неприятно разумной.

— У тебя тоже есть его кровь? — спросил он спустя время.

Миранда отвела взгляд.

— Есть запас.

— Откуда?

— Не спрашивай.

Её лицо стало закрытым, и Раймонд понял, что настаивать не стоит. Не сейчас. Может быть, никогда. В её молчании было слишком много старой боли.

Они провели вместе весь день. Солнце медленно ползло по шторам, комната то светлела, то снова погружалась в мягкую полутьму, а Миранда рассказывала о себе. Не сразу и не всё, но достаточно, чтобы Раймонд понял: за её насмешливостью скрывается не холодность, а шрам.

Ей было триста семьдесят лет. Эта цифра сначала показалась ему нелепой, почти невозможной, но чем дольше он смотрел в её глаза, тем легче верил. Она родилась в бедной английской деревне, в семье ремесленника и повитухи. Жизнь там была простой и тяжёлой: земля, работа, голодные зимы, редкие праздники, на которых радость казалась такой же необходимой, как хлеб. Всё закончилось в один день, когда на деревню напали разбойники. Миранда выжила, спрятавшись в подполе за мешками с зерном, но слышала всё: крики, мольбы, хрипы, треск горящих домов. С тех пор страх стал частью её тела. Она не доверяла тишине, не верила добрым намерениям и на любую угрозу отвечала яростью быстрее, чем успевала подумать.

Потом появился тот, кто обратил её. Он не спас её от боли, но дал ей форму, в которой эта боль могла жить вечно. Он показал ей ночной мир, кровь, власть, красоту бессмертия — и погиб, защищая её от оборотня. Миранда рассказывала об этом почти спокойно, пока голос не дрогнул. Потом слёзы просто потекли по её щекам, тихие, без рыданий, будто она давно научилась плакать по-настоящему, но тело всё ещё помнило.

Раймонд не стал говорить. Он притянул её к себе и целовал солёные дорожки на её лице, чувствуя, как внутри него что-то болезненно сжимается. Теперь он понимал, откуда у неё кровь оборотней. Она не покупала её и не просила. Она охотилась. Выслеживала их в человеческие дни, убивала и забирала то, что давало ей возможность встретить солнце. Для неё это было не только выживанием, но и мстью, которую невозможно закончить.

К вечеру за окнами посинел сумрак. Комната остыла, запах духов стал мягче, и вместе с наступающей ночью вернулась необходимость уходить. Раймонд долго не двигался, проводя пальцами по её щеке, будто пытался запомнить не лицо, а само ощущение её близости.

— Мы ещё увидимся? — спросил он. — Ты ведь не уедешь?

Вопрос прозвучал почти по-детски, но ему было всё равно. Он не умел иначе. В его жизни слишком редко появлялось то, что хотелось удержать.

Миранда взяла его за руку и сжала так крепко, что человек бы поморщился.

— Обещай, что вернёшься.

В её голосе дрогнула настоящая тревога. Не игра, не кокетство, не привычная насмешка. Она боялась потерять его так же внезапно, как нашла.

— Обещаю, — сказал Раймонд. — Клянусь.

Он поцеловал её долго, почти отчаянно, вкладывая в этот поцелуй всё, чему пока не находил слов. Потом всё же поднялся, оделся и вышел. Дверь закрылась за ним тихо, но звук этот показался Миранде слишком окончательным.

Она осталась одна.

Несколько минут она просто смотрела на дверь, за которой исчез Раймонд. Он был неловким, неопытным, ещё не до конца проснувшимся вампиром, но именно это странным образом делало его дорогим. За столетия Миранда встречала многих: сильных, древних, жестоких, прекрасных. Почти все они рано или поздно становились похожи друг на друга. Раймонд же ещё не успел окаменеть. В нём было слишком много боли, слишком много доверия и слишком много человеческого, чтобы она могла пройти мимо.

А Раймонд уже шёл по ночной дороге домой. Холодный воздух прочищал голову, но не приносил покоя. С каждым шагом один и тот же вопрос становился всё тяжелее: зачем Грэм лгал? Почему не сказал правду? Неужели все эти годы он считал Раймонда ребёнком, неспособным выдержать её? Или боялся, что правда разрушит между ними то единственное, что ещё держало их рядом?

Дом встретил его темнотой.

Раймонд остановился у порога, сжал пальцы в кулаки и лишь после этого вошёл. Грэм сидел на кухне при одной свече. Перед ним стояла старая деревянная кружка, к которой он даже не притрагивался. Лицо его казалось особенно усталым, тени легли в морщины глубже обычного.

Он не удивился.

— Где ты был? — спросил Грэм.

Раймонд подошёл к столу и остановился напротив.

— Почему ты не сказал мне?

Грэм поднял глаза.

— О чём?

— Не делай вид, что не понимаешь.

Молчание между ними стало плотным.

— Почему ты не сказал, что амулет ничего не значит? — голос Раймонда звучал тише, чем он ожидал, но от этого только жёстче. — Почему не сказал, что все эти годы я пил кровь оборотня?

Грэм медленно опустил взгляд. Плечи его едва заметно ссутулились, и в этом движении было больше признания, чем в любых словах.

— Присядь.

— Я не хочу сидеть.

— А я не хочу говорить об этом стоя посреди кухни, как на допросе.

Раймонд несколько секунд смотрел на него, затем всё же сел. Руки он положил на колени, чтобы скрыть дрожь.

Грэм провёл ладонью по лицу.

— Раз уж ты узнал... да. Я оборотень.

Слова прозвучали просто. Почти буднично. Но для Раймонда они всё равно стали ударом.

— Сколько?

— Около ста пятидесяти лет.

— И всё это время ты притворялся человеком.

— Я и есть человек, Раймонд. Просто не только человек.

— Удобное объяснение.

Грэм поморщился, но не стал спорить.

— Мы рождаемся такими. Первое превращение происходит в восемнадцать. Дальше живёшь с этим, как умеешь. Обратни стареют медленнее людей, но не так, как вы. Чтобы сохранять молодость, нам нужна кровь вампиров. Много крови. Почти вся. Я давно отказался от этого. Мне претит то, кем я должен был стать.

— А мне ты давал свою кровь.

— Да.

— И врал.

— Да.

Это честное признание только сильнее разозлило Раймонда.

— Ты ждал, пока я случайно выйду на солнце без твоего утреннего “лекарства”?

— Если бы ты слушался и не сбегал, ничего бы не случилось, — резко сказал Грэм.

В его голосе впервые за вечер вспыхнула злость, но тут же погасла. Он устало откинулся на спинку стула.

— Я хотел рассказать. Каждый год говорил себе, что пора. А потом смотрел на тебя и думал: ещё рано. Потом ты срывался, и я снова решал, что рано. Так и прошли годы.

— Ты мне не доверял.

— Я боялся потерять тебя.

Раймонд замолчал.

Эти слова застали его врасплох. Он хотел обвинений, оправданий, привычной суровости — чего угодно, кроме такой простой правды.

Грэм посмотрел на него уже мягче.

— Ты был мальчишкой, который проснулся чудовищем и не понимал, почему хочет крови. Если бы я сразу сказал, что я оборотень, враг твоего рода, что моя кровь держит тебя под солнцем, ты бы поверил мне? Остался бы?

Раймонд не ответил.

Потому что не знал.

Тишина продлилась долго. Свеча потрескивала, бросая на стены дрожащий свет.

— Вчера я встретил девушку, — наконец сказал Раймонд.

Грэм чуть приподнял бровь.

— Девушку?

— Вампиршу.

Лицо Грэма изменилось почти незаметно, но Раймонд уловил напряжение.

— Вот как.

— Её зовут Миранда. Она... — Он замялся, сам раздражаясь собственной неловкости.
— Она мне очень понравилась.

Грэм некоторое время смотрел на него, и постепенно в его взгляде вместо тревоги появилось что-то похожее на печальную, отцовскую нежность.

— Насколько понравилась?

— Настолько, что я вернусь к ней.

Старик медленно кивнул, будто ожидал именно этого.

— Ты взрослый, Раймонд. Я не могу держать тебя здесь силой. Никогда не мог, если уж быть честным. Захочешь уйти — уйдёшь.

— Я не хочу уходить.

Грэм посмотрел на него внимательнее.

— Нет?

— Нет. Я просто буду видеться с ней. Если ты... не против.

Последние слова прозвучали почти смешно после всего, что было сказано за вечер. Раймонд сам это понял, но всё равно ждал ответа.

Грэм вдруг устало усмехнулся.

— Ты спрашиваешь разрешения у оборотня после того, как сбежал к вампирше, провёл у неё день и пришёл обвинять меня во лжи?

— Видимо, да.

Улыбка Грэма стала теплее.

— Тогда не забывай пить мою кровь перед рассветом. Не хочу подметать тебя с улицы в виде пепла.

Раймонд фыркнул. Напряжение между ними не исчезло полностью, но стало мягче. Не прощение — до него было далеко. Скорее первая трещина в злости, через которую снова проступило что-то знакомое, почти семейное.

— Спасибо, — тихо сказал он.

Грэм отвёл взгляд.

— Не за что, сынок.

Раймонд хотел возразить, что после признания об оборотнях это слово звучит странно. Но не стал. Пусть звучит.

Где-то глубоко внутри, под усталостью и облегчением, уже зарождался новый беспокойный вопрос. Если Грэм оказался оборотнем, если Миранда знала о мире больше, чем говорила, если Фенрисы были не просто древним именем из уклончивых рассказов, то сколько ещё правды скрывалось вокруг него под видом заботы, легенд и случайных совпадений?

Ответы должны были прийти позже.

А пока на кухне старого дома горела одна свеча, за окном темнел лес, и двое существ, которым по всем законам следовало быть врагами, сидели друг напротив друга, не зная, как назвать то, что всё ещё связывало их крепче крови.

Глава 5. Последствия.

Сердце Марка бешено колотилось, будто пыталось вырваться из груди раньше, чем до него доберётся зверь.

Он бежал по просёлочной дороге, спотыкаясь о промёрзшие комья земли и скользя в грязи, которую ещё не успел схватить ночной мороз. Воздуха не хватало. Лёгкие горели. В правой руке он сжимал револьвер, хотя прекрасно знал: одна оставшаяся пуля его не спасёт. Не такая пуля. Не от того, что неслось за ним.

Позади, ломая кусты и оставляя в размокшей земле глубокие следы, гнался огромный волк.

Нет, не волк. Не зверь из тех, что бродят в лесах, обходят человеческое жильё и воют на луну. Это существо было слишком большим, слишком тяжёлым, слишком разумным в своей ярости. Его дыхание вырывалось хриплыми клубами пара, когти скребли по камням, а челюсти время от времени клацали так громко, что каждый звук отдавался у Марка в позвоночнике.

Он знал, за что его преследуют.

И знал, что, если зверь настигнет его, милости не будет.

Всё началось задолго до этой ночи.

Полвека назад один человек, узнавший о существовании вампиров и оборотней, решил, что мир нуждается в защитниках. Не в проповедниках, не в испуганных крестьянах с вилами и факелами, а в тех, кто будет знать, куда бить, чем стрелять и когда не дрогнуть. Так появился орден охотников — тайное братство наёмников, убийц и фанатиков, убеждённых, что их жестокость служит благой цели.

Поначалу они охотились вслепую, по слухам и обрывкам старых легенд. Потом научились лучше. Узнали слабости одних, страхи других, тайные маршруты, древние имена и места, где ночные твари прятались среди людей. Вампиры услышали об ордене первыми. Оборотни — вскоре после них. Общий враг заставил два ненавидящих друг друга рода сделать невозможное: заключить пакт.

Союз был хрупким и лицемерным, но полезным. Вампиры не должны были трогать оборотней. Оборотни — вампиров. Нарушителей карали свои же, чтобы не дать охотникам повода разжечь войну. Кроме того, существовала особая организация, помогавшая новообращённым выжить и не выдать существование ночного мира первому же испуганному городу.

На бумаге всё выглядело стройно.

В жизни — куда хуже.

Пакт нарушали. Каратели опаздывали. Новообращённые исчезали или сходили с ума раньше, чем помощь находила их. А такие, как Миранда, вообще не признавали правил, если речь заходила об оборотнях. Она могла говорить о терпимости, о разуме, о необходимости скрываться, но стоило ей встретить волка в человеческом обличье — и прошлое поднималось в ней быстрее любой клятвы. Раймонд не знал всего. Пока не знал. Миранда многое оставляла при себе.

После разговора с Грэмом его жизнь изменилась. Не сразу, не резко, но неизбежно. Он всё чаще уходил к Миранде, проводил с ней ночи и возвращался домой перед рассветом, стараясь помочь Грэму, будто мог таким образом возместить своё отсутствие. Иногда они втроём оказывались в одном разговоре — не буквально, но незримо: Раймонд приносил Миранде слова Грэма, Грэму — её едкие замечания, а сам стоял между ними, надеясь однажды соединить два мира, которые столетиями учились ненавидеть друг друга.

Ему казалось, это возможно.

Влюблённые часто принимают надежду за пророчество.

Марк же видел в этом слабость.

Охотники долго следили за Раймондом. Они не нападали сразу, не лезли в дом Грэма и не пытались взять Фенриса на улице. Марк был жесток, но не глуп. Он понимал: если ударить в самого Раймонда, тот будет защищаться как загнанный зверь. Если ударить в Грэма — можно поднять против себя оборотня, чьих возможностей никто из них до конца не знал. Но у каждого существа, даже бессмертного, есть место, куда больнее всего вонзить нож.

У Раймонда этим местом стала Миранда.

В тот вечер Фенрис шёл к ней в хорошем настроении. Он возвращался от Грэма и нёс в голове почти детскую радость: наконец познакомиться их. Не сразу, не сегодня, возможно, не завтра, но сама мысль уже казалась ему победой. Грэм был единственным оборотнем, которого Миранда не хотела убить, даже если пока не готова была признать это вслух. А Миранда была единственной вампиршей, ради которой Раймонд впервые всерьёз задумался о будущем.

Дом встретил его тишиной.

Слишком плотной.

Сначала Раймонд заметил ковёр в коридоре. Он был сдвинут, смят и лежал неровно, будто по нему кого-то тащили или кто-то в спешке запнулся, пытаясь удержаться на ногах. В другой день он бы насторожился сразу, но хорошее настроение ещё несколько мгновений удерживало тревогу за дверью. Потом он увидел сломанную ручку спальни.

Тишина стала мёртвой.

Раймонд вошёл внутрь.

Запах крови ударил сразу. Её было много — на полу, на постели, на обломках мебели, на белой ткани у окна. Но тел не было. Ни живых, ни мёртвых. Он двинулся по комнате медленно, почти не дыша, хотя уже понимал: если бы Миранда была здесь, он услышал бы её. Почувствовал бы. Нашёл бы даже в полной темноте.

На тумбочке лежала записка.

Бумага была сложена аккуратно, словно приглашение на светский ужин.

«Уважаемый Раймонд Фенрис. Если вы хотите видеть Миранду живой и невредимой, вам следует прийти по адресу, указанному ниже».

Он прочитал адрес один раз. Потом второй. Потом смял лист так сильно, что бумага хрустнула в кулаке.

Ярость поднялась не сразу. Сначала пришла пустота. Та самая, что бывает в мгновение между ударом и болью. Раймонд стоял посреди комнаты, окружённый запахом её крови, и не мог понять, как мир посмел продолжать существовать. Потом пустота раскололась. Клыки прорезали дёсны, лицо исказилось, зрение налилось алым. Он швырнул в стену первый попавшийся стул, затем перевернул столик, сорвал ткань с постели, ударил кулаком по зеркалу так, что осколки осыпались на пол.

Разрушение не помогло.

Через несколько минут он опустился на пол среди обломков и закрыл лицо руками. Ему хотелось найти их сразу, разорвать, заставить каждого захлёбываться собственной кровью. Но вместе с яростью пришло понимание: один он может не успеть. Или не справиться. Или, что было страшнее всего, потерять время.

Оставался Грэм.

И ночь сама давала ему шанс.

Полнолуние.

Раймонд сорвался с места.

Грэм выслушал его молча. Ни разу не перебил, не упрекнул в беспечности, не спросил, зачем тот снова ходил к ней один. Только сидел за столом, старый, усталый, с неподвижным лицом, и чем дольше Раймонд говорил, тем мрачнее становился его взгляд.

— Нет, — сказал он наконец.

Раймонд застыл.

— Что?

— Я не пойду.

— Они убьют её.

— Они охотники, Райми. Не пьяные драчуны из переулка. Они ждали именно этого. Хотели выманить тебя. Возможно, и меня тоже.

— Значит, ты предлагаешь оставить её?

— Я предлагаю не бросаться в капкан с закрытыми глазами.

Раймонд ударил ладонями по столу.

— Она бы не оставила меня.

Грэм поднял на него тяжёлый взгляд.

— Ты знаешь её меньше года.

— Этого достаточно.

— Нет. Тебе кажется, что достаточно.

Раймонд шагнул ближе. Внутри него снова поднимался зверь, но теперь он был не голодным — он был отчаянным.

— Она для меня всё.

Эти слова повисли между ними. Простые, почти глупые, но Грэм слышал в них то, чего боялся: не юношескую страсть, не упрямство, а ту самую привязанность, которая делает бессмертного уязвимее смертного.

Старик отвёл взгляд.

— Если я превращусь, я не могу обещать, что буду думать как сейчас.

— Ты сможешь.

— Ты не знаешь.

— Знаю.

— Райми...

— Пожалуйста.

Грэм долго молчал. Потом медленно поднялся, подошёл к нему и положил ладонь на плечо.

— Хорошо. Я помогу. Но ты должен понимать: эти люди знают, с кем имеют дело. Со мной может случиться что угодно.

— Не случится.

— Не перебивай. Если я не вернусь, дом останется тебе. Не дай ему сгнить, ладно?

Раймонд хотел ответить резко, отшутиться, сказать, что старик несёт чушь, но голос сорвался. Вместо этого он обнял Грэма так крепко, словно мог удержать его человеческим одним только усилием рук.

— Спасибо.

Грэм на мгновение замер, затем обнял его в ответ.

— Мой мальчик, — тихо сказал он.

Время до ночи стало пыткой.

Раймонд ходил по комнате, останавливался у окна, снова возвращался к столу. Он представлял Миранду связанной, раненой, мёртвой, и каждый раз заставлял себя отгонять эти образы. Надежда казалась слабой, но другой опоры у него не было. Грэм ушёл в подвал перед самым восходом полной луны, велел ему не спускаться. Раймонд подчинился, хотя каждый звук снизу рвал нервы.

Сначала послышался стон.

Потом хрип.

Потом крик — нечеловечески громкий, срывающийся в рык.

Дом будто напрягся вместе с ним. Внизу что-то ударило о стену, затрещало дерево, посыпалась пыль с потолка. Крик превратился в низкое звериное рычание, от которого у Рай-

монда похолодели пальцы. Он слышал, как ломается и перестраивается тело, как кости принимают иную форму, как человеческое дыхание становится дыханием хищника.

Когда из подвала поднялся огромный волк, Раймонд впервые по-настоящему понял, что такое оборотень.

Грэм исчез.

Перед ним стояло существо выше любого зверя, которого он видел, с густой тёмной шерстью, мощной грудью и глазами, в которых всё ещё теплился разум. Эти глаза удержали Раймонда на месте. Страх был сильным, почти животным, но поверх него пришло узнавание.

Волк резко выдохнул и повернул голову к двери.

Раймонд понял.

Они бежали через город, стараясь держаться тёмных улиц и пустых переулков. Грэм двигался быстрее любого вампира, почти бесшумно для своей чудовищной тяжести, и несколько раз Раймонду приходилось ускоряться изо всех сил, чтобы не потерять его в темноте. Луна стояла высоко, снег отражал её свет, и всё вокруг казалось слишком ясным для ночи.

На окраине они остановились.

Впереди стояло старое здание, заброшенное с виду, но не пустое. Раймонд слышал дыхание людей внутри. Слышал металл оружия, скрип половиц, приглушённые голоса. И где-то глубже, за стенами и запахом пота, пороха и страха, он уловил её.

Миранду.

Живую.

Он подошёл к Грэму и коснулся его шерсти. Та была жёсткой, холодной от снега, но под ней чувствовалась мощь живого тела.

— Будь осторожен, пожалуйста, — сказал он.

Волк посмотрел на него. В этом взгляде было больше ответа, чем могли бы дать слова.

Затем Грэм сорвался с места.

Удар был таким сильным, что стена здания разлетелась внутрь, словно сделанная из трухлявых досок. Тут же послышались крики, выстрелы и рык, в котором смешались ярость, боль и что-то пугающе человеческое. Раймонд несколько секунд стоял снаружи, сжимая кулаки, пока не понял, насколько жалко выглядит собственное ожидание.

Он ведь пришёл спасать её.

Он рванул внутрь.

В коридорах пахло кровью, порохом и смертью. На полу лежали тела, некоторые ещё дёргались, другие уже были разорваны так, что Раймонд не стал задерживать на них взгляд. Грэм прошёл через охотников, как буря через сухой лес, но борьба продолжалась. Где-то впереди гремели выстрелы, трещали двери, кто-то молился, кто-то звал Марка.

Из бокового прохода на Раймонда выскочил мужчина с бледным от ужаса лицом. В его руке дрожал пистолет. На мгновение их взгляды встретились, и Раймонд коснулся его мыслей. Записка. Адрес. Миранда на стуле. Кровь на полу.

Он.

— Какая удачная встреча, — произнёс Раймонд тихо.

Охотник попытался поднять оружие, но не успел. Раймонд оказался рядом быстрее, чем тот моргнул, и ударил ребром ладони. Тело рухнуло на пол.

Он не стал смотреть второй раз.

Запах Миранды вёл его дальше.

Комната находилась в глубине здания, за тяжёлой дверью, которую кто-то запер снаружи. Замок не выдержал одного движения. Раймонд ворвался внутрь и увидел её.

Миранда сидела на стуле, связанная, с опущенной головой. В груди у неё торчал деревянный кол. На полу под ногами темнела кровь. Несколько мгновений Раймонд не мог двинуться, потому что страх, который он всё время отгонял, вдруг стал телом, запахом и видом.

Потом он оказался рядом.

— Мира...

Она не ответила.

Руки у него дрожали, когда он вытащил кол из её груди. Миранда резко вдохнула, будто тело вспомнило, что ещё может жить, но глаза не открыла. Кол не убивал вампира сразу, если его не оставить достаточно долго и не довершить дело огнём или солнцем; он парализовал, пригвождал сознание к тьме. Раймонд перерезал верёвки, подхватил её на руки и прижал к себе.

— Я здесь, — сказал он, хотя она не могла его слышать. — Я здесь.

Выбраться оказалось труднее.

Он почти дошёл до пролома в стене, когда боль взорвалась в колене. Раймонд рухнул, не удержав равновесие, и выронил Миранду в снег. В первые секунды он не понял, что случилось. Боль была слишком резкой, слишком жгучей, будто внутрь ноги влили огонь.

— Больно, скотина?

Голос Марка прозвучал позади.

Раймонд попытался подняться, но колено тут же пронзило новой волной боли. Марк вышел из тени, держа револьвер обеими руками. Лицо его было в крови — чужой или собственной, Раймонд не знал.

— Необычные пули, — сказал охотник. — Серебро. Достаточно ввести его в тело — и даже такая падаль, как ты, начинает понимать, что бессмертие сильно преувеличено.

Раймонд сжал зубы. Каждое движение отдавалось болью, но он всё равно потянулся к Миранде.

Марк подошёл ближе и приставил дуло к его спине чуть ниже лопатки.

— Не дёргайся. Следующая будет в сердце.

Раймонд замер.

Он слышал дыхание Марка, слышал его бешеный пульс, слышал, как где-то внутри здания всё ещё рычит Грэм. Слышал собственную ненависть так ясно, будто она тоже имела голос.

— Ты правда думаешь, что защищаешь людей? — прохрипел он.

— Я знаю, что защищаю людей.

— От таких, как я?

— От таких, как вы все.

Марк нажал сильнее, и холод металла впился в спину.

В этот миг позади них снова треснула стена.

Охотник обернулся на долю секунды — и этой доли хватило, чтобы страх победил ненависть. Он отступил, затем сорвался с места и побежал к лесу. На снег упала небольшая эмблема, выскользнувшая у него из кармана.

Раймонд, преодолевая боль, дотянулся до неё.

На металле были изображены клыки. Но стоило повернуть эмблему под другим углом, рисунок менялся: вместо вампирских клыков проступала пасть зверя. Ниже тянулась надпись на языке, которого Раймонд не знал. Латынь? Что-то древнее? Сейчас это не имело значения. Он сунул эмблему в карман и упал рядом с Мирандой.

Снег был холодным.

Звёзды — невероятно яркими.

Раймонд взял её ладонь и подтянул ближе к себе. Она должна была очнуться. Должна была открыть глаза и увидеть эту ночь, потому что иначе всё — бег, страх, кровь, Грэм, боль — всё окажется напрасным.

Марк бежал через лес.

Ветки били по лицу, грязь цеплялась за сапоги, дыхание рвалось из груди хрипами. Револьвер всё ещё был в руке, но теперь в нём оставалась одна пуля — обычная. Бесполез-

ная. Какая-то часть сознания пыталась смеяться над этим. Столько лет охотиться на чудовищ, столько лет верить в оружие, символы, правила, подготовку — и остаться под конец с одной пулей, которая не остановит даже бешеную собаку, не то что оборотня.

Позади приближался Грэм.

Земля дрожала под его лапами.

Марк остановился, потому что больше не мог бежать. Наклонился, упёршись ладонями в колени, и несколько секунд ловил воздух ртом. Потом выпрямился и развернулся к зверю лицом. На его губах появилась странная улыбка — злая, усталая, почти безумная.

Он поднял руку, сложил пальцы пистолетом и навёл их на несущегося волка.

— Бах, — сказал Марк.

Волк врезался в него на полной скорости.

Крик оборвался почти сразу.

Когда всё стихло, среди деревьев остался только снег, тёмная кровь и следы огромных лап, уходящие обратно к городу.

Миранда открыла глаза.

Сначала она увидела небо. Чёрное, глубокое, усыпанное звёздами так густо, будто кто-то рассыпал по нему осколки льда. Потом почувствовала холод под спиной, слабость во всём теле и руку Раймонда, сжимающую её ладонь.

— Райми? — прошептала она.

Он открыл глаза. На лице его была кровь, в волосах — снег, но когда он увидел, что она пришла в себя, в его взгляде появилось такое облегчение, что Миранда на мгновение забыла о боли.

Раймонд притянул её к себе и поцеловал. Осторожно, будто боялся сломать.

— Я думал, что не успею, — сказал он. — Грэм спас тебя.

Миранда слабо улыбнулась.

— Твой оборотень?

— Наш оборотень, — поправил он, и сам удивился, насколько естественно прозвучали эти слова. — Видишь? Они не все такие, какими ты их помнишь.

Она не ответила сразу. Ей было слишком тяжело спорить, а может, впервые за долгое время спорить не хотелось.

— Пойдём домой, — сказала она.

— К тебе нельзя. Они знают это место.

— Тогда куда?

Раймонд попытался подняться. Раненая нога подогнулась, но боль уже становилась терпимее: тело медленно выталкивало из себя то, что мешало заживлению. Он подал Миранде руку, помог ей подняться, но она сразу пошатнулась. Сил у неё почти не осталось.

— В мой дом, — сказал он. — Грэм не будет против.

— Ты уверен?

Раймонд посмотрел в сторону леса, откуда должен был вернуться огромный волк, если в нём ещё оставалось достаточно Грэма, чтобы найти дорогу назад.

— Уверен.

Миранда попыталась сделать шаг, но едва не упала. Раймонд не стал ждать второй попытки. Он подхватил её на руки, прижал к себе и, прихрамывая, двинулся прочь от разрушенного здания.

Снег медленно засыпал кровь за их спинами.

Где-то в лесу ещё бродил зверь, который был Грэмом. В кармане Раймонда лежала чужая эмблема с клыками и звериной пастью. А впереди ждал дом, в котором этой ночью должно было стать теснее: для вампира, оборотня и женщины, которая всю жизнь училась ненавидеть таких, как он.

Глава 6. Прощальный поцелуй.

Пока Раймонд нёс Миранду домой, она снова потеряла сознание.

Её голова лежала у него на плече, волосы касались его подбородка, а тело казалось слишком лёгким, почти невесомым. Это пугало больше ран. Вампиры не умирали так, как люди, но после кола, крови и долгого обездвиживания силы покидали их быстро. Ей нужна была кровь. Не человеческая — человеческая вернула бы голод, но не спасла бы от рассвета. Ей нужна была кровь оборотня.

Раймонд ускорил шаг, хотя раненое колено отзывалось болью при каждом движении.

“Только бы Грэм выжил.”

Мысль была эгоистичной и оттого особенно стыдной. Он переживал за наставника, конечно переживал; после всего, что случилось, Грэм был ему ближе любого живого или мёртвого существа на земле. Но вместе с этим Раймонд понимал: если Грэм не вернётся до рассвета, они с Мирандой могут не пережить утро. Эта правда была холодной, некрасивой и слишком практичной для ночи, в которой только что пролилось столько крови.

Дом встретил его тишиной. Дверь оставалась закрытой, следов борьбы не было, но Грэма внутри он не почувствовал. Раймонд занёс Миранду наверх и уложил на кровать, где когда-то сам приходил в себя после первых срывов и наказаний. Он укрыл её одеялом, задержался рядом и коснулся губами её щеки.

— Спи, любимая, — тихо сказал он. — Я рядом.

Ответа не последовало.

Он спустился вниз и сел на кухне.

Ожидание растянулось на несколько часов. Раймонд то поднимался, то снова садился, прислушиваясь к каждому звуку за стенами. Лес молчал. Дом скрипел от холода. В очаге догорали угли. В какой-то момент он поймал себя на том, что считает удары собственного сердца, будто счёт мог приблизить возвращение Грэма.

Перед рассветом дверь распахнулась.

На пороге стоял незнакомец.

Мужчина лет двадцати семи, может, тридцати. Тёмные волосы, крепкие плечи, ясные янтарные глаза. Одежда висела на нём неловко, будто досталась с чужого плеча, зато сам он держался так уверенно, что это только сильнее насторожило Раймонда. На его лице была усталая, почти мальчишеская улыбка.

Раймонд оказался у двери быстрее, чем успел подумать. Он прижал незнакомца к косяку, сжав пальцы на его горле. Клыки выступили сами, зрение налилось красным.

— Кто ты? — прорычал он. — Кто тебя послал?

Мужчина поднял руки, не пытаясь сопротивляться.

— Райми... это я.

Раймонд сильнее сжал горло.

— Не ври.

— Это я, Грэм, — прохрипел незнакомец. — Отпусти, и я объясню.

Имя ударило сильнее любого оружия. Раймонд отступил на шаг, но не убрал клыки.

— Грэм?

Мужчина потёр шею и коротко усмехнулся.

— Рад, что ты всё ещё сначала душишь, а потом спрашиваешь.

Голос был его. Интонация — тоже. Эта сухая насмешка, это усталое тепло под грубостью. Раймонд смотрел на молодое лицо и не мог совместить его с образом старого лесника, к которому привык за годы.

— Как?

— Сядь. Мне самому надо выпить, прежде чем я начну это рассказывать.

Грэм прошёл в комнату, достал из старого шкафа бутылку рома и два стакана. Руки его слегка дрожали, но не от страха — скорее от усталости после слишком долгой ночи. Он налил себе, выпил залпом и только потом сел напротив Раймонда.

— Я говорил тебе, что оборотни стареют иначе, чем люди, — начал он. — Но если мы долго не пьём кровь вампиров, возраст всё равно берёт своё. Медленнее, но берёт. Сегодня среди охотников был один вампир. Не знаю, что он делал с ними, и это плохой знак, но он был там.

Раймонд нахмурился.

— Ты выпил его кровь.

— Почти всю.

Грэм посмотрел на свои руки, молодые, сильные, без старых пятен и вздувшихся вен.

— Я давно этого не делал. Дольше, чем ты можешь представить. Но выбора не было. Волк берёт своё, особенно в полнолуние. Не смотри так. Я не потеряю рассудок от одной ночи.

— Ты выглядишь...

— Красавцем? — Грэм криво улыбнулся.

Раймонд выдохнул и вдруг рассмеялся. Смех вышел нервным, почти болезненным, но настоящим. После страха, крови и ожидания молодое лицо Грэма казалось такой нелепостью, что иначе отреагировать он не смог.

— Ты выглядишь как человек, который мог бы отбивать у меня девушек.

— Не переживай, сынок, я слишком стар внутри для подобных глупостей.

Они оба на мгновение замолчали. Слово “сынок” прозвучало странно из уст мужчины, который теперь казался старше Раймонда лишь на несколько лет. Но смысл не изменился. И, пожалуй, именно это оказалось важнее.

— Миранде нужна кровь, — сказал Раймонд.

Грэм сразу стал серьёзным.

— Знаю. Перед рассветом поднимусь к вам.

— Сейчас.

— Сейчас ей лучше спать. До рассвета ещё есть время.

Раймонд кивнул, хотя спокойнее не стало. Он налил себе рома, сделал глоток и тут же вспомнил боль в колене.

— Один из них выстрелил в меня. Марк сказал, что пули серебряные.

Грэм фыркнул.

— Серебряные. Конечно.

— Что смешного?

— То, что они сами давно верят в собственные байки. Серебро неприятно, если оно входит глубоко и мешает регенерации, но не оно делает эти пули опасными. В них смесь, разъедающая ткань. Кислота, щёлочь, яды — у разных охотников свои рецепты. Им нравится думать, что дело в благородном металле и старых легендах. Так проще чувствовать себя избранными.

Раймонд поморщился.

— Значит, меня не убило бы серебро?

— Тебя многое может убить, просто не так красиво, как рассказывают в трактирах.

— Например?

Грэм некоторое время молчал, словно решая, стоит ли открывать ещё одну дверь, за которой слишком много тьмы.

— Солнце ты знаешь. Обезглавливание — тоже. Деревянный кол сам по себе чаще парализует, чем убивает, если не довести дело до конца. Но есть старые символы. Очень старые. Охотники выбивают их на пулях, вырезают на кольях, иногда даже на клинках. Вот от них лучше держаться подальше.

— Символы?

— Они связаны с легендами о начале вашего рода.

Раймонд поднял взгляд.

— О Фенрисах?

— Глубже. О Каине. О Лилит. О тех именах, которые церковь превратила в сказки, чтобы не признавать, что часть сказок старше самой церкви.

Грэм налил ещё рома, но пить не стал.

— Говорят, Каин не был сыном Евы. Что его родила Лилит — наполовину женщина, наполовину нечто иное. Демон, дух, проклятая мать — называй как хочешь. По одной из версий, именно через неё в мир вошла первая вампирская кровь. Когда Лилит наконец похоронили, на красном шёлке, которым закрыли её тело, были вышиты имена ангелов, якобы запечатавших её душу в аду. Не спрашивай, ангелы это были или просто древние существа, чьи имена люди позже присвоили небу. Но сочетание этих имён стало знаком, способным разрушать вашу кровь.

Раймонд слушал, не перебивая.

— Если такой знак вырезать на дереве и вонзить тебе в сердце, ты не просто уснёшь, как от обычного кола. Ты сгоришь изнутри. Быстро. Без второго шанса.

В комнате стало тихо.

— Значит, они знают, как убивать нас по-настоящему.

— Некоторые знают. Не все. Большинство просто носит оружие, не понимая, что держит в руках.

— А оборотней?

Грэм усмехнулся уже без веселья.

— С нами проще и сложнее одновременно. В человеческом облике мы уязвимее, чем вампиры думают. В волчьем — почти наоборот. В полнолуние остановить оборотня трудно даже старшему вампиру. Голова — самый надёжный способ. Сердце может лишиться сознания, если удар точный. Перелом шеи, кол в грудь, тяжёлая рана — всё это задержит, но не всегда убьёт. Мы слишком быстро заживаем.

— Удобно.

— До тех пор, пока не просыпаешься голым в лесу и не помнишь, сколько людей видел перед превращением.

Раймонд не нашёлся, что ответить.

Вскоре разговор иссяк. Не потому, что вопросы закончились, а потому что ночь стала слишком тяжёлой. Раймонд поднялся.

— Я пойду к ней.

Грэм кивнул.

— Иди. Я приготовлю кровь. Не хочу собирать вас обоих веником после рассвета.

Раймонд поднялся наверх. Миранда спала так тихо, что человек мог бы принять её за мёртвую. Он сел рядом, взял её руку, поцеловал холодные пальцы и убрал тёмные пряди с лица. Только теперь, в мягкой тишине комнаты, к нему пришло понимание: она жива. Грэм жив. Он сам жив. Ночь отступила, хотя ещё не закончилась.

Он лёг рядом, осторожно устроил её голову у себя на плече и закрыл глаза.

За полчаса до рассвета дверь тихо открылась.

— Просыпайтесь, влюблённая нечисть, — сказал Грэм. — Принёс утреннее лекарство.

Раймонд открыл глаза не сразу. Миранда проснулась быстрее. Она повернула голову, увидела молодого мужчину с янтарными глазами, затем перевела взгляд на Раймонда.

— Это кто?

Грэм поставил стаканы на тумбочки.

— Обидно слышать после того, как я вчера ради вас полгорода напугал.

Миранда прищурилась.

— Нихрена себе, старичок.

Раймонд не выдержал и рассмеялся. Грэм тоже, устало, но искренне. Даже Миранда улыбнулась, хотя в её взгляде всё ещё стоял вопрос, который она не стала задавать вслух: что вампир делал среди охотников и почему его кровь досталась оборотню?

— В стаканах моя кровь, — сказал Грэм. — Выпейте до рассвета.

Миранда взяла стакан, но задержала его у губ.

— Спасибо.

Сказано было тихо, без насмешки. Для неё это слово стоило больше, чем для другого — целая клятва.

Грэм кивнул.

— Благодарю Раймонда. Без него я бы туда не пошёл.

Он вышел, оставив их одних.

Они выпили кровь почти одновременно. Тепло разошлось по телу, отгоняя слабость и возвращая ясность. Раймонд тут же притянул Миранду к себе, и она ответила так же крепко. Вчера они почти потеряли друг друга. После такого молчаливые объятия говорили больше любых признаний.

— Они не остановятся, — сказал Раймонд.

Миранда медленно кивнула.

— Нет. Теперь уж точно нет.

— Значит, нам нужно уехать.

Она не спорила. Это испугало его сильнее, чем если бы спорила.

— Куда?

— Грэм говорил о северном альянсе. Вампиры и оборотни, которые воюют с охотниками.

Если они существуют, там у нас будет больше шансов.

Миранда усмехнулась, но устало.

— Забавно. Я прожила почти четыре века, чтобы однажды искать убежища у волчат.

— У одного волчонка ты уже ночевала.

— Не напоминай.

Он поцеловал её в висок.

— Собери вещи. Я буду ждать внизу. Душа здесь нет, но у Грэма есть таз, холодная вода и полное отсутствие чувства стыда за удобства.

— Роскошное убежище.

— Лучшее в лесу.

Она слабо улыбнулась, и этого Раймонду хватило, чтобы на несколько минут поверить: всё ещё можно исправить.

Внизу пахло жареным мясом, яйцами и дымом. Грэм стоял у очага, переворачивая куски оленины на сковороде.

— А она ничего, — сказал он, не оборачиваясь.

— Она тебя слышит.

— Я знаю.

Раймонд сел за стол, впервые за долгое время чувствуя не покой, но что-то похожее на его слабую тень.

— Что у нас на завтрак?

— Яичница с олениной. Молоко в погребе, достань.

Когда Миранда спустилась, волосы у неё ещё были влажными после ледяной воды, а глаза казались темнее обычного. Она выглядела живее, чем ночью, но в этой живости было напряжение — как у человека, который держит руку на рукояти кинжала даже за обеденным столом.

Они ели почти молча. Простая еда, тёплый очаг и трое за одним столом казались чем-то неправильным после всего, что произошло. Вампир. Оборотень. Женщина, ненавидевшая оборотней. И всё же в этот короткий час никто не пытался убить другого.

Первым заговорил Раймонд:

— Нам нельзя оставаться здесь. Они знают дом Миранды. Скоро узнают и этот.

Грэм сделал глоток молока.

— Тогда я еду с вами.

Раймонд поднял взгляд.

— Ты не обязан.

— Обязан. Здесь меня больше ничего не держит, а тебя одного я всё равно не отпущу. К северу есть альянс. Не такой чистый и благородный, как любят рассказывать его посланники, но там хотя бы понимают, что охотники — общий враг. Вампирам и оборотням приходится уживаться, если они хотят выжить.

Миранда отложила вилку.

— Придётся учиться не убивать волков при первой встрече.

— Было бы любезно с твоей стороны, — заметил Грэм.

Она посмотрела на него с холодной улыбкой.

— Не обещаю, что быстро привыкну.

— Я тоже.

Раймонд неожиданно почувствовал, что улыбается.

Решение приняли быстро. Миранде нужно было забрать вещи из своего дома: бумаги, немного золота, одежду и то, что она не называла вслух. Грэм должен был отправиться в доки и договориться о местах на корабле, который уходил на север с ближайшим приливом.

Перед уходом он спустился в подвал и вернулся с двумя пистолями, завернутыми в старую ткань.

— Возьми.

Раймонд развернул свёрток.

— Откуда они?

— Из прошлых ошибок людей, которые думали, что я не умею пользоваться чужим оружием. Заряжены особыми пулями. Не трать без нужды.

Раймонд взял пистолы и убрал под плащ.

— Мы быстро.

Грэм посмотрел сначала на него, потом на Миранду.

— Не возвращайтесь сюда. Встретимся в доках. Если меня там нет — ждите до последнего колокола. Если и тогда не приду, садитесь без меня.

— Нет, — сразу сказал Раймонд.

— Это не просьба.

Миранда накинула плащ и открыла дверь.

— Пойдём, Райми. Чем быстрее уйдём, тем меньше поводов для героических прощаний.

Он всё же задержался на мгновение и пожал Грэму руку. Молодое лицо наставника делало этот жест странным, почти братским. Но взгляд оставался прежним.

— Встретимся в доках, — сказал Раймонд.

— Встретимся.

До дома Миранды они добрались быстро. Улица выглядела обычной: редкие прохожие, дым из труб, чей-то смех за ставнями. Никто, кажется, ещё не понял, что здесь ночью пролилась кровь. Это насторожило Раймонда больше, чем если бы у дверей толпились люди.

Внутри всё осталось почти так же, как он запомнил: сломанная ручка, пятна крови, сдвинутый ковёр. Только теперь в доме пахло не только Мирандой.

Он остановился.

— Здесь кто-то есть.

Миранда уже направлялась к лестнице, но тут же замерла.

— Сколько?

— Несколько.

Ответить она не успела.

Движение за спиной было почти неуловимым. Тот, кто напал, был старше Раймонда, а значит, быстрее. Раймонд успел только повернуться, увидев бледное лицо и раскрытые клыки, но удар не дошёл до него.

Миранда оказалась между ними.

Её рука прошла сквозь грудь нападавшего со спины, ломая рёбра. В пальцах она сжимала его сердце. Вампир захрипел, глаза его расширились от изумления, и он рухнул, когда она отшвырнула мёртвую плоть в сторону.

— За тобой, — сказала она.

Раймонд поднял пистоль.

Но второй удар пришёл не в него.

Миранда резко выдохнула. Тихо. Почти удивлённо.

Из её груди выступил кончик деревянного кола.

Раймонд замер.

Сначала он подумал, что это обычный кол. Что она упадёт, он вытащит его, и всё повторится, как прошлой ночью. Но на древесине, там, где она вышла из плоти, темнели вырезанные знаки. Они казались живыми в тусклом свете комнаты.

Миранда посмотрела на него.

В её глазах не было страха. Только сожаление. Глубокое, почти нежное сожаление человека, который не успел сказать что-то важное.

— Нет, — прошептал Раймонд.

Её тело начало гореть изнутри.

Не пламенем, а сухим алым светом, словно сама кровь превратилась в пепел. По щеке Миранды скатилась одна слеза. Она попыталась сделать шаг к нему, но ноги уже не держали.

За её спиной стоял мужчина. На губах у него застыла торжествующая улыбка.

Раймонд выстрелил дважды.

Пули вошли в грудь почти без промежутка. Улыбка мужчины сменилась ужасом, когда символы на металле сделали своё дело. Его тело вспыхнуло и начало рассыпаться так же, как тело Миранды.

— Это ещё не всё, — выдохнул он перед тем, как окончательно обратиться в пепел.

Раймонд не слышал.

Он упал на колени там, где секунду назад стояла Миранда. На полу осталась лишь горстка серого пепла, несколько тёмных прядей и запах её духов, уже исчезающий из воздуха. Он протянул руки, будто мог собрать её обратно, вернуть форму, лицо, голос, дыхание. Пальцы прошли сквозь пепел и оставили на ладонях грязные следы.

— Мира...

Слово сорвалось с губ жалко, почти беззвучно.

Он прижал пепел к губам. Это выглядело бы безумием, если бы кто-то видел. Возможно, безумием и было. Но разум отказывался принимать простую, окончательную правду: её больше нет. Не ранена. Не спит. Не ждёт, пока он вытащит кол. Нет.

— За что? — прошептал он. — Господи, за что?

Ответа не было.

И тогда боль стала яростью.

Она поднялась медленно, из самой глубины, вытесняя всё человеческое. Клыки прорезали дёсны. Глаза налились кровью. Раймонд поднял пистолы, сунул их за пояс и вышел из дома, не оглянувшись.

До доков он добрался быстрее, чем когда-либо.

Грэм ждал у причала. Рядом уже стояли ящики, мешки и несколько людей, готовивших корабль к отплытию. Он увидел Раймонда издалека и сразу понял: что-то случилось. На лице вампира была кровь, одежда испачкана пеплом, а Миранды рядом не было.

— Райми...

Он не успел договорить.

Раймонд налетел на него и повалил на доски причала. Пальцы сомкнулись на горле Грэма.

— Ты знал! — закричал он. — Ты знал, что они будут там! Ты позволил нам пойти!

Люди на причале шарахнулись в стороны. Кто-то выругался, кто-то потянулся к ножу, но никто не решился вмешаться.

Грэм схватил его за запястья.

— Райми... это я...

— Ты предал нас!

— Я бы никогда...

— Она мертва!

Слова вырвались вместе с рыком, и после них сила будто покинула Раймонда. Хватка ослабла. Он отступил, сделал несколько неверных шагов и сел на ближайшую скамью, закрыв лицо руками. Тело трясло так, как не трясло даже в первые ночи после обращения.

Грэм поднялся, медленно подошёл и сел рядом. Он не стал сразу класть руку ему на плечо. Слишком хорошо знал, что сейчас любое прикосновение может стать искрой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.